

Дмитрий Шемякин

Гильза II

Дмитрий Шемякин

Гильза-2

«Автор»
2026

Шемякин Д.

Гильза-2 / Д. Шемякин — «Автор», 2026

Новые приключения Сергея, Артёма и отважной лётчицы из 1919-го года Салоникеи Константиниди. На это раз они попали в..

© Шемякин Д., 2026
© Автор, 2026

Дмитрий Шемякин
Гильза-2

1

Сергей, Салоникея и Артём со страхом смотрели, как их окружили всадники в кольчугах на гарцующих конях. У некоторых воинов за спинами были видны щиты или колчаны со стрелами.

— Братва, не стреляйте, мы… э-э… мы как бы свои! — неуверенно крикнул Луганский.

Но Салоникея, не привыкшая прогибаться под изменчивый мир, вскинула маузер и выстрелила в воздух. Кони испуганно шарахнулись в сторону, несколько всадников даже упали, а Константиниди гаркнула:

— А ну брысь отсюда, дьяволы, а то сейчас всех уложу на месте!

Среди «дьяволов» наступило замешательство, после чего один из них крикнул:

— Да вы что, охренели, что ли? Кто вас сюда пустил?! Тут съёмка идёт!

Только сейчас товарищи увидели, что рядом со всадниками стоят рельсы с камерами на тележках, осветительные приборы и что-то ещё на длинных шестах. Недалеко, в лесочке, были видны жилые вагончики, между которыми сновали туда-сюда люди в шортах и лёгких платьицах.

К беглецам подбежал человек в огромной соломенной шляпе-сомбреро, который ни капли не испугался выстрелов, и закричал капризным, плачущим голосом:

— Кто этих извергов на площадку пустил? У нас съёмочный день кончается! Где Корыто? Я его сейчас убивать буду! Товарищи, попрошу покинуть площадку!

Тут же рядом с ним оказался дюжий мужик в майке-алкоголичке. Он сгрёб Богданова, Артёма и Салоникею в охапку и вытолкал их на край полянки.

— Это что такое? — оторопело спросила Салоникея. — Это мы где? — Она побледнела. — Страшно!

— Страшно ей, — улыбнулся Сергей. — На фанерных этажерках летать не страшно, и воевать не страшно, а тут…

— Похоже, наше время, — облегчённо выдохнул Артём. — А то уж я перепугался, что в Древнюю Русь угодили. Ой ты, гой еси…

— Какое «наше время»? — рассердилась Салоникея. — Где Лесоград? Где дивизия товарища Неспивайло?! Колчак наступает!

— Дорогая наша лётчица, — сказал Луганский, — мы не врали, когда рассказывали твоему Журавкину про 2023-й год. Да не смотри ты на нас так своими прекрасными глазами. Мы к вам попали оттуда. Да. А сейчас, получается, через эту долбаную пещеру в горе мы попали обратно. Сечёшь?

Салоникея во все глаза смотрела то на всадников в кольчугах, то на деревянный кремль вдали, то на суетливых людей, снимающих фильм про Древнюю Русь.

— Не удивляйся, Ника, — похлопал её по плечу Богданов. — Это всего лишь кино. Ну, синематография, по-вашему.

— Синема, синема, синема, — запел Луганский, — от тебя мы без ума.

— Получается, что вы — наши потомки, может быть, даже мои? — тихо сказала Салоникея.

— Да, бабушка, — совсем распоясался Артём и тут же получил толчок в бок от Богданова.

— Может, и так, — ответил Сергей. — Но ты не переживай. Разве тебе не хочется увидеть, какой стала наша страна? Радоваться надо!

Салоникея затравленно посмотрела на Богданова и Артёма, будто видела их в первый раз в жизни.

— Мне сразу показалось, что вы какие-то странные и чудные, — наконец сказала она. — И гора эта… — Она оглянулась. — Среди местных недоброй славой пользуется: говорят, что нечистая сила там… Ох, не по себе мне, граждане.

И бесстрашная лётчица, авиатор Салоникея Константиниди, не раз сбитая, выходившая из крутых передряг Гражданской войны, вдруг совершенно по-девчоночьи расплакалась.

Богданов обнял её и рассмеялся:

— Ну, успокойся, товарищ Ника. Мы тебя в обиду не дадим. И большая просьба: не маши через раз маузером. Сейчас мирное время. Можно и без стрельбы договориться со всеми.

Салоникея, шмыгая носом, убрала маузер в деревянную кобуру.

Тем временем съёмки на полянке снова возобновились. По лесу к деревянному кремлю понеслись, поднимая пыль, всадники, а параллельно им ехала машина с кинокамерой.

— Браток, а что за фильм-то снимают? — заинтересовался Артём у мужика, который их вытолкал со съёмочной площадки.

— «Битва за Суздаль», — коротко ответил мужик. — Исторический.

— А режиссёр кто?

— Тимофей Коробкин.

— Не слышал про такого, — продолжил Луганский, но Богданов перебил его:

— Скажите, до Дивноуральска далеко отсюда? Мы с друзьями заблудились малость.

Мужик почесал затылок.

— Далеко. Идите к западу, на Слудку, а там автобусом часа три.

— Спасибо, браток! — обрадованно сказал Сергей.

Мужик покосился на лапти Луганского и на маузер Салоникеи.

— Вы тоже что ли кино снимаете?

— Уже нет, — хвастливо отозвался Артём. — Уже снялись. Причём в главных ролях. И в таком фильме, что вашему Коробкину до него ещё снимать и снимать.

Они спустились к Осьве и пошли вдоль её берега.

— Послушайте, — вдруг сказала Салоникея, — а как же я? Там мои товарищи воюют, а я тут?

— Да всё уже кончилось, — выдохнул Артём. — На дворе 2023-й год. Как говорится, расслабь булки.

Салоникея сняла и развязала свой заплечный мешок.

— Нет булок, — отозвалась она, заглянув в него. — Только сухари да сала кусок.

Богданов выразительно посмотрел на Луганского и покрутил пальцем у виска.

— Ты, вижу, сам, друг мой, булки расслабил, когда понял, что порохом больше не пахнет.

— Это да, — согласился Артём. — Эх, поскорее бы в Дивноуральск. Что Натаха мне скажет? Да и твоя Катерина, наверно, уже сковородку приготовила.

— Слушай-ка, — вдруг тихо сказал Богданов Артёму, дождавшись, когда Салоникея уйдёт вперёд, — а что мы своим-то скажем? Что привезли из прошлого бабу-лётчицу?

— Да не заморачивайся, — беспечно отозвался Артём. — Снимем ей хату — пусть живёт себе. А надоест — пусть валит в свой Лесоград, 1919 год. Хотя, как знать, может, ей у нас глянется больше, чем у себя. Вон Васильков обжился в 1919-м, и не выгонишь его оттуда. Может, и она…

Они прошли вдоль реки ещё несколько километров и стали подниматься к деревне Слудка, в которой были несколько дней назад.

— Мешки бы надо спрятать и оружие, — сказал Богданов. — А то, чего доброго, ментам попадёмся.

— Я свой маузер никому не отдам! — упёрлась Салоникея.

2

— Ника-а… — укоризненно протянул Сергей. — Как ты не можешь понять: сейчас мир. Мир. Относительный, конечно, но с оружием у нас нельзя ходить. Полицейские сцапают, потом греха не оберёшься.

Салоникея нехотя отдала маузер. Богданов убрал его в мешок вместе с остальными находками 1919 года, после чего огляделся.

— Вот тут спрячу. В эту расщелину между камней. Ориентир — вон те две берёзы.

На берегу Осьвы, совсем близко к воде, будто двое влюблённых, стояли две сплетённые между собой берёзы.

— Ох, — залюбовался Луганский. — Вот скоро и я так с Натахой.

Они прошли ещё немного и, увидев тропку, которая уходила в гору, стали подниматься по ней.

— Кажется, сейчас мы придём в Слудку, — весело сказал Артём. — Сергей Васильевич, у тебя деньги есть на билеты? Может, зря мы стволы закопали? Замотали бы водителю, он бы нас бесплатно провёз.

Вдали уже показались домики. Луганский продолжал веселиться:

— Вот сейчас встретим того тракториста, займём денег у него, а потом скинем ему обратно на карту…

— Нешто по картам всё у вас до сих пор? — удивилась Салоникея, а Артём расхохотался.

Но Богданов не поддержал друга. Он рассматривал картофельное поле, по которому они проходили несколько дней назад. Сейчас оно показалось Сергею больше по размерам, а картофельные кустики, наоборот, меньше.

— Странно, — пробормотал он, почесав затылок. — Может, показалось? Или это не то…

Они миновали поле и подошли к первому домику. У дома в палисаднике работала, пропалывая грядку, бабка в белой косынке.

— Бабуль, бог в помощь! — поприветствовал Луганский. — Откуда у вас тут автобус до Дивноуральска идёт?

Бабушка выпрямилась и с любопытством посмотрела на путников.

— Дак… около райцентра, там ещё ферма рядом. Идите прямо — не ошибётесь, — неожиданно для её возраста звучным и внятным голосом сказала она. — Что, тоже ходили смотрели, как фильму снимают?

— Ага, — согласился Артём и добавил: — Бабуль, а вот такое предложение: мы с друзьями попали в маленькую дорожную неувязку, потеряли все деньги. Давай мы тебе по хозяйству поможем, а ты нам немножко денежек дашь, чтоб до города добраться?

Бабка вытерла свои узловатые широкие ладони о фартук и засмеялась:

— Та какой от вас, городских, толк — только потопчете всё тут. Третьего дня эти… студенты были, дак разворотили мне половину грядок, ироды! Дам уж вам так на дорогу-то, раз такое дело.

— Ой, спасибо, бабуль! — Луганский даже поклонился. — Человек человеку друг, правда? А вот если бы вы ещё телефон дали позвонить…

— Дак в райцентре телефон только, у нас отродясь не было, — отозвалась старуха.

Она ушла в дом и вернулась, неся что-то в сжатом смуглом кулаке.

— Держите вот, — она протянула Богданову свёрнутые трубочкой купюры.

— Спасибо, бабуль, — ещё раз поблагодарил Сергей.

Они снова вышли на дорогу.

— Теперь не заблудимся, — болтал Луганский. — Вот дорога, вон там автобик, и через три часа нас ждёт наконец-то цивилизация. Как же я соскучился по кока-коле и гамбургерам! В «Контакте», наверно, куча сообщений не отвеченных, верно, Сергей Васильевич?

— А что такое «коко… како… кококло»? — спросила Салоникея.

— Гадость несусветная, — с отвращением сказал Богданов и строго добавил: — Тёмыч, ты не порти мне девку! Сначала кока-кола, потом «ТикТок», и понесётся по наклонной…

Он развернул купюры, свёрнутые в трубочку, и вдруг остановился.

— Сергей Васильевич, ты чего? — окликнул его Артём.

Тот, увлёкшись рассказами Салоникее о XXI веке, не заметил, как отстал его друг.

Богданов во все глаза смотрел на две купюры. На одной из них, достоинством один рубль, был изображён бравый шахтёр с отбойным молотком на плече; на второй, трёхрублёвой, — красноармеец в шлеме и с винтовкой. На обеих банкнотах красовался герб СССР и стоял год выпуска — 1938-й.

Артём и Салоникея подошли к Богданову, и тот молча протянул им подарок сердобольной бабушки.

— Это что за хрень? — удивился Луганский, вертя странные деньги. — Бабка вроде нормальная из себя, а оказывается, полоумный нумизмат?

Салоникея с любопытством вертела в руках купюры:

— Ладные какие! Новенькие. И герб какой красивый!

Луганский посмотрел на побледневшего Богданова:

— Серёг, ты чего? Уж не хочешь ли ты сказать, что… Да ну, не…

Богданов глухо ответил:

— Не знаю, Тёмыч, не знаю. А ты обратил внимание, что на съёмочной площадке всё какое-то странное? Что ни одного ноутбука у людей не было? Что режиссёр этот… как он… Коробкин, орал, что у него плёнки мало осталось? Скажи, разве сейчас кто-то снимает на плёнку?

Луганский, в отличие от Сергея, не побледнел, а покраснел. От его былого веселья не осталось и следа.

— Да ну нах, — буркнул он неуверенно. — У бабки просто кукуха поехала, вот она и живёт до сих пор во времена своей молодости. У меня в детстве друг был, так тот до того заигрался в хоббитов и гоблинов, что по-серьёзке стал себя таковым считать. Даже когда перепись населения была, он в графе «национальность» написал: «эльф».

Богданов невесело усмехнулся:

— Тёмыч, ты кого пытаешься успокоить? Меня или себя? Ты видел картофельное поле, которое тут было, когда мы тут первый раз очутились? Здоровые кусты, можно было уже собирать урожай. А сейчас кустики молодые, даже не цвели ещё. Смекаешь, о чём я?

— Ну, они то выкопали, а посадили новую, — неуверенно сказал Артём.

Вмешалась молчавшая до этого Салоникея и беспощадно сказала:

— И что получается, товарищи? Что мы попали в 1938 год? А вы говорили, что 2023-й. Так какой на самом деле?

Луганский замахал руками:

— Да вы что несёте?! Хватит с нас путешествий во времени! Я домой хочу!

— Все хотят, — отозвался Сергей. — Пойдём-ка лучше к райцентру. Там точно узнаем, что и как.

Они прибавили шагу. Народу на улице не было. Лишь кое-где вдали проходили какие-то люди, но определить, из какого они времени, было сложно.

Наконец друзья вышли на небольшую площадь, к двухэтажному бревенчатому дому, на котором висела новенькая табличка «Сельсовет».

На самом гребне крыши лениво полоскалось красное знамя с серпом и молотом.

— Что теперь скажешь? — буркнул Богданов.

— Вся деревня сумасшедшая, — упрямо хватался за последнюю соломинку Луганский.

— Ага. Ни одной машины, ни одной телевизионной тарелки.

— Чего гадать, — сказала Салоникея. — Зайдём в сельсовет и всё узнаем. За мной, хлопцы!

Её нерешительность и даже застенчивость исчезли. Теперь перед друзьями снова была та бесстрашная лётчица, какую они встретили в 1919 году.

3

Они поднялись по ступенькам и открыли дверь, за которой был длинный коридор с несколькими дверями. Взгляд Богданова упал на большой плакат. Две румяные, счастливые девушки, кровь с молоком, тащили за ручки корзину, до краёв наполненную картошкой. Внизу изображения алели слова: «Соберём и вырастим высокий урожай картофеля!»

Из одного кабинета вышла женщина в строгом костюме, держа в руке папку с бумагами.

— Вы к кому, товарищи? — спросила она. — Вы из режиссёрской группы товарища Коробкина?

— Д-да… — пробормотал Богданов. — Нам бы…

Он замолчал, не зная, что спросить у этой строгой женщины, а она, не видя его замешательства, сказала:

— Если что-то по снабжению, обращайтесь прямо к товарищу Дубову, он как раз сейчас у себя.

Женщина ушла, а Сергей постучал в приоткрытую дверь:

— Можно?

— Войдите! — послышался голос.

Все втроём они несмело вошли в кабинет товарища Дубова.

Дубов, мужчина лет сорока пяти, в сером потёртом пиджачке, на котором поблёскивала медаль «XX лет РККА», сидел за большим столом и перебирал какие-то бумаги. Увидев гостей, он очень обрадовался.

— А, со съёмок! Я сразу понял по вашему виду! Проходите, товарищи! Что хотели? Массовки не хватает? Может, реквизит какой нужен? Наш колхоз в полном вашем распоряжении. Вы уж только упомяните нас в титрах.

— Да мы… — начал было Богданов, но словоохотливый Дубов не давал ему сказать:

— Ой, а когда сам фильм выйдет? А вы Любовь Орлову видели? А правда, что продолжение «Чапаева» будут снимать?

Луганский решительно отодвинул замешкавшегося Сергея:

— Да, конечно. Уже написан сценарий, и начались съёмки новой кинокартины «Чапаев-2» с Любовью Орловой и… — Артём наморщил лоб. — С Андреем Мироновым.

— Мироновым? — заинтересовался Дубов. — Ни разу не слышал про такого. Я, братцы, кино очень увлекаюсь и почти всех артистов знаю: Бабочкин, Черкасов, Утёсов.

— Ты что плетёшь? — прошептал Сергей Луганскому, отвернувшись от Дубова.

После чего он снова повернулся к хозяину кабинета:

— Нам бы в Дивноуральск попасть, нужно уладить там кое-какие организационные вопросы.

— Да пожалуйста! — доброжелательность Дубова, видимо, не имела границ. — Через час машина придёт, на ней и доедете. А пока можете в столовую сходить. У нас сегодня, кажется, отличные щи сварили. А ежели отдохнуть хотите, то библиотека рядом, у нас там…

Сергей, слушая доброго Дубова, рассматривал обстановку в кабинете взглядом Терминатора, который сканирует всё вокруг.

Так. Чёрная бормочущая тарелка на стене — радио. Чернильный прибор. Причём не для понтов, а для работы, ибо он заляпан чернилами. Так. Шкаф с бумагами. Диванчик. Гипсовый бюстик Ленина на столе. На стене — постер фильма «Александр Невский». Стоп! Стоп!!

Сергей вытянул шею и впился глазами в настенный календарь с мускулистым рабочим, сжимающим в огромном красном кулаке каких-то мерзких червей с человеческими головами — судя по всему, вредителей и саботажников. Цифры на календаре показывали 1941 год.

Богданов очнулся и увидел, как Луганский что-то прячет в карман и трясёт руку Дубова.

— Пошли, — прошептал Артём.

Они вышли на улицу, и Сергей плюхнулся на небольшую скамеечку.

— Уфф… Ну что, поздравляю вас, господа-товарищи. Мы в 1941-м году. Судя по природе — май или июнь.

Салоникея села рядом и, стащив кожанку, осталась в одной линялой гимнастёрке.

— А что, мне тут нравится. И деревня, смотрю, хорошая. Библиотека есть, товарищ Дубов про клуб рассказывал ещё.

— Ей нравится, — саркастически сказал Артём. — Ты хоть понимаешь, что в этом месяце начнётся война?

Но лётчицу Константиниди было сложно напугать войной.

— С кем? — спросила она. — Антанта опять полезет?

— Не знаю я, кто такая Антанта, — с раздражением сказал Луганский. — Германия на нас нападёт. 22 июня 1941 года. Кстати, какое сегодня число?

— Не знаю, — развёл руками Богданов. — Что-то постеснялся я у Дубова спросить.

Артём увидел стайку ребятишек, игравших недалеко от сельсовета в лапту, и подошёл к ним.

— Эй, пацаны, мы из съёмочной группы кинокартины «Оборона Суздаля». Совсем замотались. Скажите, какое сегодня число?

Старший из мальчишек, в закатанных по колено штанах и с дощечкой-лаптой на плече, степенно сказал:

— Двадцать второе.

— Июня?

Парень удивлённо посмотрел на странного дядьку в пятнистых штанах и грязных лаптях с онучами.

— Июня.

Луганский снова покраснел и сказал деревянным голосом:

— Спасибо, парни.

Прямой, как палка, Артём подошёл к друзьям и выдохнул:

— Поздравляю. Сегодня двадцать второе июня. Заметьте: не десятое, не пятнадцатое, а именно двадцать второе. Из огня да в полымя. Что будем делать? Предлагаю ни в какой Дивноуральск не ездить, а валить обратно к скалам и отыскивать эту грёбаную штольню, из которой мы вылезли.

Богданов помолчал, собираясь с мыслями.

— Когда мы выходили от Дубова, у него на часах было десять утра. То есть война уже идёт. Но сейчас не двадцать первый век. Люди ещё ничего не знают. Обращение Молотова будет примерно днём.

Будто подтверждая его слова, ожила ещё одна радиотарелка — такая же, как в кабинете у Дубова, только прикрученная к телеграфному столбу около сельсовета.

В недрах чёрного круга что-то зашуршало и закашляло, и густой бас торжественно произнёс:

— Товарищи! В ближайшее время слушайте важное правительственное сообщение.

— Ну вот, что я говорил, — сказал Богданов.

Через полчаса на площади стали собираться люди. Из сельсовета выбежал Дубов и крикнул женщине в фартуке:

— Петровна, что ты там копаешься?! Веди своих с фермы. Скорее!

Петровна убежала и вскоре явилась в сопровождении нескольких десятков девушек.

Люди всё прибывали. Приехало несколько телег, гружёных бидонами, и одна машина.

Народ негромко гомонил, и слово «война» было отчётливо слышно почти от каждого.

— Ну, сейчас начнётся, — сказал Сергей.

В тарелке снова зашуршало, и раздался глухой голос Молотова:

— Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство…

Сергей и Артём замерли. Сколько раз они слышали это обращение в разных кино, но сейчас…

Богданов почувствовал, как по спине его побежали мурашки. Одно дело — валяться на диване или сидеть в удобном кресле кинотеатра, а другое — видеть и чувствовать тревожные взгляды людей, которым совсем скоро предстоит пережить такое, что навсегда изменит и народ, и мир.

4

— Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами, — закончил Молотов свою речь.

— Расходимся, товарищи! По рабочим местам! — крикнул с крыльца Дубов. — Слушайте радио и не поддавайтесь паническим слухам и провокациям!

Площадь опустела, а трое друзей так и остались сидеть на скамейке.

— Когда же будет победа? — тихо спросила Салоникея.

— Не скоро, — вздохнул Богданов. — Девятого мая сорок пятого. В Берлине. И то в нашей реальности. А как случится тут — никто не знает. Может, мы своим приходом повернули историю по другому пути…

— Эх, попасть бы нам на недельку раньше! — воскликнул Луганский. — Предупредили бы Кремль и Сталина!

— Не смеши, — улыбнулся Сергей. — Ты плохо представляешь, что это такое — двигать миллионные армии из глубины страны к границе. Плюс техника, ГСМ, боеприпасы и вся остальная логистика… На это и месяца мало бы было. Это во-первых. А во-вторых… Тебе поверили в 1919-м, когда ты с честными глазами рассказывал Журавкину всю правду-матку про 2023-й год? Вот то-то и оно.

— Это да, — согласился Артём. — Заперли бы меня на Лубянке, и костоломы из НКВД бы всё из меня вытрясли.

— Поменьше сериалов бы смотрел, дурень, — укоризненно сказал Богданов.

— Товарищи, вы хоть поясняйте иногда, что говорите, а то я половину не понимаю из ваших слов, — жалобно сказала Салоникея.

— Прости, Ника, — улыбнулся Сергей. — Ну что такое ЧК, ты же знаешь. Ну так НКВД — это её продолжение.

— А сериалы… — как бы тебе объяснить, — встрял Артём. — Это у нас в 2023-м такие длинные синематографии, у которых много выпусков. Эх, жалко телефона нет, я бы тебе показал…

— По телефону? Показал? — удивилась Салоникея. — Это как?

— Так, стоп, — вмешался Богданов. — Пока тебя, Ника, этот болтун не запутал окончательно, предлагаю для начала подкрепиться. Тем более у нас талоны пропадают. А там уже решим, что делать.

— С 1919-го года ничего не ел, — сострил Луганский.

Они пересекли площадь у сельсовета и, спросив у мужика на телеге дорогу, подошли к длинному одноэтажному зданию с надписью «Столовая колхоза имени Разина».

— Ну, как говорится, война войной, а обед по распорядку, — сказал Сергей и вошёл внутрь.

Столовая оказалась вместительным помещением, где за длинными лавками и столами сидели, подкрепляясь, несколько десятков человек.

Богданов протянул талоны, и полная, как и все работники общепита, тётя в белом фартуке поставила перед друзьями три тарелки с дымящимися щами, три тарелки с кашей и три стакана чая.

— Ну-с, приступим, — потёр руки Луганский.

Все трое с аппетитом накинулись на еду.

— Я вот что думаю, — сказал с набитым ртом Артём. — Надо обратно к скале валить. И чем раньше, тем лучше. В Дивноуральске нам делать нечего. И ведь ещё далеко не факт, что мы через штольню попадём обратно к себе. На этой скале и впрямь какая-то аномалия. Ты бы куда хотела, Салоникея, попасть?

Девушка молча жевала кашу, а потом вздохнула:

— В Одессу, в девятьсот первый год. На Привоз. Папка там рыбу продавал. И мамка ещё жива была…

Салоникея с трудом проглотила ком в горле и запила его чаем. Возникла неловкая пауза.

— А что с мамкой-то стало? Заболела? — сочувственно спросил Луганский.

— Застрелили черносотенцы. Погром был в Одессе в 1905-м.

— Извини, — пробормотал Артём.

Богданов допил чай и встал.

— Ладно, братцы, погостили — пора и обратно. 1901-й год тебе, Ника, не обещаю, но вот в твой 1919-й… — Сергей вздохнул. — Пока тоже не обещаю.

Они вышли из столовой и отправились обратно по той же дороге, по которой пришли утром. Проходя мимо знакомого дома, где сердобольная бабушка дала им четыре рубля, Сергей постучал в окно. На крыльцо вышла та же бабуля в сопровождении драного серого кота. Богданов протянул старухе деньги:

— Держи, бабуль, не пригодились. Спасибо большое.

Бабка молча взяла купюры и засунула за манжет рукава. После чего промокнула повлажневшие глаза краем платка.

— Война началась, — всхлипнула она. — А у меня сынки в армии, в аккурат на границе.

— На какой? — спросил Луганский. — Если, например, на Дальнем Востоке, то опасаться особо не…

Богданов незаметно треснул Артёма по спине, и тот, закашлявшись, замолчал. Сергей, воспользовавшись заминкой, торопливо сказал:

— Наше дело правое, бабуль. Победа будет за нами. До свидания.

— Ты чего, Сергей Васильевич? — оторопело спросил Артём, когда домики Слудки скрылись за пригорком.

— А того, — сердито сказал Богданов. — Во-первых, неизвестно, где её сыновья служат. Во-вторых, неизвестно, как всё будет протекать тут. А в-третьих… Началось военное время, в котором распространение всяких слухов карается, сам знаешь как. Где гарантии, что бабка не сдаст тебя участковому, и будет, кстати, права: мол, шляются тут какие-то, спрашивают, где

у меня дети служат. Вот тогда у нас появятся все шансы познакомиться с НКВД. Трепло ты, Тёмыч, вот ты кто!

«Трепло» Тёмыч обиженно замолчал, и некоторое время друзья шли молча. Салоникея по-молодецки приложила ладонь ко лбу и посмотрела на местность.

— Вон наш схрон. Нужно обратно забрать.

Друзья подошли к тайнику и, покопавшись, снова разобрали свои рюкзаки и мешки с оружием и взрывчаткой.

— Эх, скорее бы свалить, — рассуждал Артём. — А то и впрямь менты повяжут, рассказывай им потом, что ты не немецкий диверсант.

Друзья снова спустились к Осьве и пошли вдоль берега. Через час они уже стояли в лесочке, где повстречали съёмочную группу. Только на этот раз вокруг них не было ни всадников в кольчугах, ни крикливого режиссёра Коробкина, ни бугая Корыто. От вагончиков, где ютился съёмочный люд, осталась только смятая трава.

Все дружно посмотрели в сторону, где находился деревянный кремль. Но он практически перестал существовать. Рабочие грузили остатки досок и декораций.

— Вот и кончилось кино, — расстроено сказал Сергей.

— А что тебе оно? — насмешливо спросил Луганский. — Сняться хотел? Прикидываешь, как удивилась бы твоя Катя, если бы увидела советский старый фильм и тебя в нём? Давай-ка лучше искать вход, он же выход. Кажется, вон там, — Артём указал на здоровенную сосну.

Они снова углубились в лес по направлению к горе.

Но странное дело: выхода из пещеры, который ещё утром был тут, не было.

— Да как так-то? — раздражённо приговаривал Луганский. — Ну не мог же он сквозь землю провалиться?!

— Может, мы ищем не там? — спросила Салоникея.

Прошло ещё несколько часов. Усилия друзей были тщетны. Выход из пещеры исчез.

5

— Зашибись, — тяжело дыша, сказал Луганский. — Выход — рубль, вход — два. Что будем делать? Может, имеет смысл поискать с обратной стороны горы?

— Может, и имеет, — отозвался Богданов. — Но уже темнеет. Тут хоть и не Гражданская, и до немца далеко, но шататься по незнакомому лесу… Предлагаю заночевать. Что скажешь, Ника?

Салоникея, польщённая тем, что мужчины спрашивают её мнение, важно сказала:

— Это да. Да и насчёт немцев… Шпионы, товарищ Серж, могут и на самом деле хоть где водиться. Хоть тут, хоть в Сибири.

— В общем, Тёмыч, на тебе костёр, я — за водой, а ты, красна девица, ужин сообрази, — распорядился Сергей.

Он отыскал ручеёк, зачерпнул котелком воды и пошёл к небольшой полянке, где они остановились и где уже горел уютный костерок. Около него Салоникея готовила какое-то блюдо из крупы, сала и лука.

— Запасливая ты девушка, — засмеялся Артём. — Муж радоваться будет. Есть муж-то?

— Жених был, — коротко и неохотно ответила Салоникея. — Погиб под Царицыным.

— Ох, — сочувственно сказал Богданов. — Досталось нашему народу в двадцатом веке… Сколько людей, сколько светлых голов потеряли…

Салоникея бросила всё приготовленное в котелок, и скоро над полянкой поплыл вкусный запах.

Поужинав и попив какой-то заваренной травы, которую нарвал Богданов, они приготовились ко сну.

— Караул по очереди: пол-ночи я, пол-ночи ты, — обратился Сергей к Артёму.

— А я? — спросила Салоникея.

— А ты спи.

— Нет, — упёрлась лётчица. — Так дело не пойдёт: у нас равноправие! Я тоже в караул!

— Договорились, — вздохнул Богданов. — Я тебя разбужу. А теперь спи.

Салоникея вынула из мешка огромную «луковицу» — серебряные часы с крышкой.

— Вот. В четыре утра меня поднимете.

— Слушаюсь, моя королева! — вытянул руки по швам Луганский.

Салоникея засмеялась, назвала Артёма «шутом гороховым», завернулась в кожанку и пододвинулась поплотнее к огню.

Когда она уснула, Сергей с любопытством осмотрел старинный, неуклюжий хронометр и, нажав кнопку, открыл крышку. На внутренней стороне они с трудом разобрали выгравированную надпись: «Городскому головѣ Феофану Губайдуллину за хорошея состоянія города Лѣсограда».

— Хорошие часики, — усмехнулся Артём. — Интересно, как они попали к нашей лётчице?

— Ну так ясно как. Городской голова Губайдуллин подарил. И, скорее всего, ещё упрашивал взять их.

Они тихо рассмеялись, и Богданов тоже лёг к костру, но ему не спалось.

— Тёмыч, а помнишь, как мы на пикник ездили, как песни пели, как рыбу ловили… Кажется, это было сто лет назад.

— Почти сто и есть, — погрустнел Артём. — Восемьдесят два. Эх, как там мои девки… Что будем делать-то, если завтра вход не найдём?

Богданов подкинул в костёр несколько сучьев и честно сказал:

— Не знаю, Тёмыч. Поживём — увидим. Я спать.

Ночь прошла без эксцессов. Как и договаривались, Артём разбудил Богданова. Сергей, по привычке хотевший обмануть Салоникею и не дать ей караулить, на этот раз просчитался: девушка проснулась сама.

— Опять… Как вы там у себя говорите, надуть меня хотели, — хриплым со сна голосом сказала она. — А вот не получилось! Иди спать, товарищ Серж.

Утром, после небольшого завтрака, они снова принялись прочёсывать окрестности, но всё было тщетно. Даже обойдя гору вокруг и взобравшись, насколько это было возможно, на неё, друзья ничего не обнаружили.

— Ну что ж, — упавшим голосом сказал Богданов, — значит… Значит, придётся нам опять в Слудку идти. И ехать в Дивноуральск.

— Может, не надо? — предложил Артём. — Может, штольня, через которую мы попали сюда, — это такой специальный портал, который появляется тут, например, раз в неделю…

— И что ты предлагаешь? — насмешливо спросил Сергей. — Жить тут в лесу неизвестно сколько? Потом зима начнётся…

— Нет, не согласна я тоже тут торчать, — подала голос Салоникея. — А может, это для нас специально так устроено, чтобы мы помогли своей Родине в борьбе с врагом? А?

Сергей с уважением посмотрел на девушку и задумчиво сказал:

— Может, ты и права, Ника. Может, мы для того и попали сюда…

— Тогда что? Валим обратно в Слудку? — спросил Луганский. — Опять у бабки деньги будем просить? Она нас точно ментам сдаст.

— Валим, — согласился Сергей. — Думаю, на этот раз обойдёмся без денег.

Снова показался берег Осьвы. Проходя мимо места, где они спрятали вооружение, Богданов сказал:

— Прячем снова. Теперь наш груз вдвойне опасней. И если нас на самом деле сцапают с ним, то так легко, как в 1919-м, не отвертимся.

Они снова сложили мешки с взрывчаткой и маузерами в тайник и пошли к знакомой деревне.

У сельсовета толпились люди. Из патефона, стоявшего на крыльце, играла музыка, смешиваясь с частушками, которые наяривал на баяне поддатый мужичок в тельняшке.

— Свадьба у них, что ли? — удивлённо спросил Луганский.

— Свадьба, эх ты! — усмехнулась Салоникея. — На войну собираются мужики.

Только сейчас Богданов и Артём увидели зарёванные лица женщин и плакат из кумача, на котором было выведено белой, ещё не высохшей краской: «На Берлин!»

— Ого, хватили, — усмехнулся Артём. — До Берлина ещё далеко.

— Это вот ты, такой умный, знаешь всё задним числом, — возразил Богданов. — А они не знают. Они думают, что эта война через пару месяцев закончится.

На крыльцо сельсовета вышел Дубов. Частушки и музыка из патефона смолкли.

— Товарищи! — зычно крикнул он. — Сегодня мы провожаем наших славных сыновей, отцов и братьев, которым выпала великая честь защищать нашу страну! Которые раздавят фашистскую гадину у себя в логове и вернутся с победой домой! Да здравствует великий Сталин! Да здравствует наша Родина — Союз Советских Социалистических Республик! Ура-а-а!

— Ура-а-а! — многоголосым эхом отозвалось по площади.

Призывники — все в гражданском, с мешками-котомками за спинами — стали неуклюже грузиться в ЗИСы.

Богданов продрался сквозь толпу к Дубову.

— Товарищ Дубов! — крикнул он председателю. — Случилось несчастье! Мы отстали от своей съёмочной группы! Разрешите, мы с призывниками доберёмся до Дивноуральска?

Дубов развёл руками:

— Ну, раз такое дело, езжайте! Товарищу Коробкину привет! Ждём от него новых великих фильмов! Если будете снова в наших краях, то милости просим!

Он спустился с крыльца и что-то крикнул водителю ЗИСа, который терпеливо ждал, пока мобилизованные попрощаются с голосящими жёнами и матерями.

— Лунегов! Саша! — крикнул Дубов водителю — молодому чернявому парню в гимнастёрке. — Вот эти товарищи из съёмочной группы самого Коробкина! Они поедут с тобой до Дивноуральска!

Лунегов флегматично пожал плечами — дескать, как скажешь.

— Ника, в кабину! — приказал Богданов. — А мы с Тёмычем — в кузов.

— Нет! — Салоникея в страхе уцепилась за рукав Сергея. — Я с вами, я боюсь в кабину!

— Тьфу ты! — рассердился Сергей. — Трусиха! Летать не боится… Ладно, полезай тоже в кузов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.